Однажды мы с другом Максом махнули в Америку – убивать президента Рейгана. Взяли все сбережения, пачку печения, фляжки с водой, спички, компас и, конечно, ножи. Мы знали, если двигаться всё время на запад, обязательно приедешь в Америку. Главное – переплыть Атлантический океан. Пока купили в кассе билеты и сели в электричку «Уфа – Чишмы».

Погода стояла отличная – солнечно, но не жарко, мы были уверены в успехе своего предприятия и наслаждались дорогой. Смотрели в окно – главное развлечение в электричке, всегда увидишь что-нибудь необычное.

В Юматово мы увидели дядьку, который страшно спешил. Ему, видно, позарез надо было попасть именно в наш поезд. За ним бежали другие, и даже один мужчина мчался на лошади, но первый дядька явно шёл на рекорд. Выпучив глаза, он уже взбирался на насыпь, когда электричка дёрнулась. Дядька поднажал, хрипя, вылез на перрон, ему оставалось сделать последний рывок…

– Не успеет, – сказал сочувственно Макс.

Мы бросились в тамбур, высунулись из дверей и давай махать руками и ногами, словно этот дядька нам родственник. Просто нам его жалко стало – он всех обогнал, такой молодец, а, получается, зря.

Машинист, наверное, рассердился ужасно – у него расписание, а тут два пацана машут, не дают двери закрыть.

И дядька успел! Ему тех секунд, на которые мы задержали состав, хватило, чтоб запрыгнуть в вагон.

Сначала он просто дышал тяжело, красный, как после футбола, – и всё равно пытался нам улыбнуться. Мы тоже ему улыбались: мол, всё хорошо, едем.

– У вас гипервентиляция лёгких, – объяснил Макс со знанием дела, у него мама – медик.

– Факт, – согласился дядька. Он уже почти отдышался, мы вместе пошли, сели у окна.

Дядька держал в руках школьный ранец – смешно, взрослый человек, а носит ранец в каникулы.

– Ну, спасибо, братцы! – он пожал руку сначала мне, потом – Максу. – Выручили. А то бы – во! – дядька полоснул пальцем по шее, показав, насколько ему важно было уехать.

Мы понимающе покивали.

Спросил вежливо:

– Куда путь держим?

– В Америку.

– Ба! Знатно. К родне или так, погулять?

Нам скрывать было нечего, мы признались:

– Хотим убить Рейгана.

– Дело благородное.

И настолько хорошо он это сказал! Без подтекста, без издёвки внутренней: знаете, иногда взрослые поддакнут, а сами закатят глаза, будто перед ними дебилы. В театре бывает такая же глупость – кривляются в зал, мигают, бровями на других актёров поводят, типа те дурачки, а мы-то с вами – хо-хо… Противно.

А наш дядька правильно понял: нормальные люди едут по делу.

– Только до Америки трудновато добраться.

Понимаем, не детсадники. Объяснили:

– Ну, пока до Чишмов, потом будет видно.

Слово за слово, завязалась беседа.

– Э-эх! – хлопнул по ранцу дядька. – И мне бы в Америку! Завидую я вам, братцы, зверски завидую!.. – И зажмурился, глядя на что-то за окном, красивое до невозможности.

Взрослым, конечно, некогда путешествовать. Но мы предложили:

– Давайте с нами! – Может, он пенсионер или в отпуске.

– Действительно! Почему бы и нет? Я ведь могу пригодиться.

Не случайно он нам сразу понравился!

– На границе, объясняться с таможней, – оценил возможности Макс. – И тому подобное?

– Вот именно.

«И тому подобного» долго ждать не пришлось – вскоре в вагон милиционеры зашли. Двое. Такие строгие, по сторонам внимательно смотрят. Нам-то вроде бояться незачем, билеты мы честно купили, родителям записки оставили, но кто их, милицию, знает…

Новый знакомый нас не подвёл. На вопрос: «Ваши дети?», не моргнув, ответил:

– Мои.

И приобнял Макса за плечи. Сидим мы втроём, довольные, ясно – стопроцентно чисты.

– Далеко собрались?

– До Пионерской. Сад у нас там.

Неприятно, когда врут без зазрения совести, но дядька врал весело, вроде понарошку.

И мы поддержали игру.

– Сад, речка, пляж! – выдал радостно Макс.

Милиционеры похмурились и отправились дальше.

– Знаете, братцы, я в тамбуре покурю, – сказал наш новый товарищ. – Вы ни с места?

– Ни с места!

Я голову в окно высунул и ветер глотал, очень вкусно. Правда, немного беспокоиться начал – оказывается, со взрослым человеком рядом спокойнее, когда едешь на важное дело.

Тем более, к Пионерской подъехали. Неловко – вдруг милиционеры обратно пройдут, а мы по-прежнему здесь… Смотрю – что такое? – опять два милиционера! Уже другие. Торопятся. Прыгают к нам.

И, точно, прицепились немедленно:

– Здорово, ребятки! Как вас зовут?

Мы представились. Они заявили:

– Идёмте-ка с нами!

– Нет, нам дальше надо.

– Ещё чего! – один милиционер схватил меня за руку, второй – Макса. – Родители с ума сходят, а они, вишь, катаются!

И ранец взяли. Кричу:

– Эй! Это не наш, за ним хозяин придёт!

Они вообще не слушают. Катастрофа и произвол.

Вывели нас из вагона, посадили в машину:

– Ну что, сенкевичи, едем обратно!

В милицейской машине мы раньше не катались. Между прочим, неплохо. На кочках прыгали, хохотали.

А в Уфе нам опять испортили настроение. Мамы плачут, моя меня тискает, мама Макса ругается. Даже ударила сына! А то что у мужчин могли быть дела мирового значения, им по барабану.

– Только, – я спохватился, – обязательно надо ранец отдать хорошему человеку. Не знаю, как вы искать его теперь будете.

– Ранец разве не ваш?

– Нет, – ответила мама Макса.

И моя подтвердила:

– Не наш.

А нам не верили!

Вот что: в ранце оказалось огромное количество денег. Просто куча! Выяснилось, что в Юматово в санатории главный бухгалтер забрал зачем-то все деньги и убежал. Решил на электричках удрать.

– А с виду приличный крендель, – расстроился Макс.

Я же ничуточки не огорчился – такая уймища денег! Здорово! Я никогда столько не видел! Что же касается вора, по-моему, он неплохой. Мало ли, может быть, у него – тоже важная цель. Или мечта.

– Не знаю, то ли на учёт вас поставить, то ли представить к награде, – спросил начальник милиции, когда мы зашли к нему в кабинет.

– Куда на учёт? Они же совсем малыши! – крикнула мама Макса.

Макс сказал:

– Представить к награде.

И нам дали премию.

Теперь мне осталось записать эту историю, и можно идти на улицу. Погуляем там с Максом, пока нет зимы. Ну, вы понимаете – ядерной. Пока Рейган не начал войну.